

The background of the cover is a surreal illustration. It depicts a city street at dusk or dawn, with tall buildings on both sides. A person in a dark coat stands in the center of the street, facing away from the viewer towards a bright, hazy horizon. The sky is a mix of deep blue and orange. The street surface is highly reflective, creating a clear mirror image of the person and the buildings above. The overall mood is mysterious and contemplative.

Обратный МАРШРУТ

Георгий Зимин

Георгий Зимин

Обратный маршрут

«Автор»

2026

Зимин Г.

Обратный маршрут / Г. Зимин — «Автор», 2026

Что, если после смерти нет ни рая, ни ада — только странное место, где тебе предлагают выбор? Обычный мужчина умирает внезапно, не успев доделать начатое и сказать близким самое важное. Вместо ожидаемого небытия он оказывается в месте, которое выглядит до тошноты знакомо. Там его встречает тот, кто не называет себя, но говорит так, будто знает всё. И предлагает сделку: везти души умерших туда, куда им назначено. Но герой хочет вернуться к прежней жизни. Ему дают один шанс — без права на ошибку. Нужно занять тело человека, умершего несколько часов назад, найти женщину и спасти её. Это история о том, что второй шанс часто выглядит как чужая судьба. О границе между «спасти» и «отпустить». О том, как после собственной смерти можно впервые понять, что значит быть по-настоящему живым. Вот только те, кто даёт такие задания, никогда не говорят всей правды. И чем ближе герой к цели, тем очевиднее: возвращение будет стоить дороже, чем ему обещали.

© Зимин Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1. ТУДА И ОБРАТНО. Пролог. Обычный человек	5
Глава 1. Директор и Сириус	9
Глава 2. Поездка с банкиром	11
Глава 3. Досье с металлическим привкусом	15
Глава 4. Двое	21
Глава 5. Договор	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Георгий Зимин

Обратный маршрут

ЧАСТЬ 1. ТУДА И ОБРАТНО. Пролог. Обычный человек

Сплин — "Выхода нет"

Всё началось с того, что я умер. Ну да. Не было всей этой истории с тремя, семью или сорока днями, расписных ворот с золотыми переливами или египетских птиц. Банальная история. Инфаркт. Нужно было исследовать сердце, как говорится в цветных медицинских буклетах или на больших и красочных стендах в обшарпанных больницах (вы их, конечно, видели). Работа, работа и ощущение, что всегда успеется. Известная история.

Надо сразу сказать, что я не являюсь фанатом работы, трудоголиком, ярым переработчиком, патриотом службы и прочее. Просто привычка: начал что-то делать — делай хорошо или не делай. Обычное кредо обычного мужчины. Знаете, как у Довлатова: я человек хороший, говорю это абсолютно без гордости, а даже с некоторым сожалением... По итогам, что же? Сильная боль, далее полное блаженство от отсутствия телесных ощущений и великое ничто.

Я помню ту боль. Она пришла не как в кино — не внезапным ударом, не прострелом в левую руку. Она подкралась исподволь, как плохая новость, которую сообщают по частям. Сначала тяжесть в груди, будто кто-то положил мне на рёбра чугунную гирю. Потом онемение в челюсти, странное, как после приёма у стоматолога. Я сидел за рабочим столом, передо мной лежал квартальный отчёт, и в этом отчёте всё сходилось — цифры, графики, проценты. Всё, кроме одного: моего сердца. Оно дало сбой. Не в тот момент, не в том месте, не с тем человеком. И, как выяснилось, навсегда.

Говорили: «Сходи к кардиологу». «Сходи к кардиологу» звучало для меня как «купи хлеба» — что-то бытовое, откладываемое, несрочное. Я кивал, отвечал «да-да, конечно», и продолжал жить в ритме, который убивал меня ровно с той скоростью, с какой я зарабатывал на ипотеку, жизнь, желания. И вот итог: квартальный отчёт остался неподписанным, а я остался без тела.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю: всё было предсказуемо. Давление скакало, как пьяный заяц. Одышка появлялась после двух пролётов лестницы. Сон стал рваным, как старый плед. Но я всё списывал на стресс, на погоду, на магнитные бури — на что угодно, кроме очевидного. Мужская классика: мы не ходим к врачам не потому, что не верим в медицину, а потому, что боимся услышать правду. А правда, как выяснилось, была проста: сердце — это не мотор, который можно вечно гонять на высоких оборотах.

Я вспомнил, как однажды дочь спросила: «Папа, а ты боишься умереть?» Я ответил что-то бодрое, в духе «не дождёшься». А сам подумал: боюсь. Не смерти как таковой, а того, что не успею. Что не дочитаю книгу. Что не почию кран на кухне. И вот я здесь — в кабинете, который не выбирал, напротив человека, которого не ждал. А кран на кухне так и капает. Наверное. Если его никто не починил.

Потом, как мне думается, душа, помня телесный опыт, конструирует вокруг себя декорации привычного плана для осознания ситуации. Ситуация осознана. Я всегда думал, что после смерти человек перерождается, перерождается как бы автоматически. В моменты с перерождением исходя из своего прижизненного поведения я не верил никогда. Просто не верил, потому что не считал, что мораль человеческая переносима на мораль более высоких уровней. У муравьёв, наверняка, тоже есть своя мораль и нравственное одобряемое поведение. А чело-

веческой ноге всё равно. Думалось, и тут такой же принцип, как оказалось — это не совсем так. Точнее так, но не совсем.

Я вспомнил муравьёв с нашего дачного участка. Мы с дочерью как-то наблюдали за ними целый час. Она сидела на корточках и смотрела, как они тащат травинки, в десять раз больше себя. «Смотри, папа, они не сдаются», — сказала она. А я подумал: «Они не сдаются, потому что у них нет выбора. Им неведомы сомнения». А у меня выбор был.

Понятное дело, что взрослого мужчину, если уж копнуть поглубже, осуждать не за что. Общество недолго выводило перечень грехов, но веками кристаллизовалось в своём стремлении оправдать их. Но это акция почему-то ограничена — эксклюзивно для мужчин. Вот и тут весь набор: чревоугодие, алчность, гордыня, гнев, зависть и похоть... и это только понедельник до трёх часов дня. Думаю, ну всё, дружок, сейчас тебя вкатают. Точнее не думаю, а чувствую.

Я попытался вспомнить, что такого непотребного я делал в этот конкретный понедельник до трёх часов дня. Обычный рабочий день. Утром совещание, где я вяло спорил с финансовым отделом. Потом обед в столовой: борщ, котлета, компот. Всё как у всех. Где тут чревоугодие? Котлета была суховата. Может, это и есть наказание за чревоугодие — сухая котлета в заgrabной столовой? Нет, не сходится. Я никогда не был ни обжорой, ни пьяницей. Обычный. Слишком обычный. И вот это, как выясняется, моя главная проблема: я был настолько обычным, что даже грешил как-то средне. Без огонька. Без размаха. А теперь сиди и отвечай за всё сразу.

Материализация из ничего. Я будто проснулся посреди рабочего дня: такое со всяким случается. Только вот «проснулся» — не то слово. Точнее будет — «проявился». Как фотография в проявителе: сначала размытые контуры, потом детали, потом ты целиком. И вот я уже стою посреди кабинета, которого не выбирал, и смотрю на человека, которого не ждал.

Чинный кабинет директора. Он и при жизни никогда не нравился, а после смерти — тошно в сто раз сильнее. Всё тот же дубовый стол, который, казалось, весил больше, чем вся моя квартира. Тот же запах казённой мебели — смесь пыли, формальдегида и лёгкого разочарования. Те же жалюзи на окнах, через которые пробивался серый свет. И тот же он — массивный, в мятом пиджаке, с волосатыми пальцами, сложенными на столешнице. Только теперь он был не просто мой бывший начальник. Он был кто-то другой. И от этого становилось ещё тошнотворнее.

На столе, помимо папок и телефона, стоял графин с водой. И стаканы гранёные, тяжёлые, как в поездах дальнего следования. Когда я заходил к нему с отчётом, он всегда наливал себе воды, но мне не предлагал. Ни разу. И вот теперь, спустя смерть, он сидел передо мной и смотрел так, будто собирался налить. Это пугало больше всего.

— Ну что ж, ждали не так рано, но раз уж пришли, то присаживайтесь, — директор положил на массивный дубовый стол чёрного цвета свои массивные волосатые пальцы.

Я заметил, что пальцы у него были точь-в-точь как при жизни. Даже родинка на указательном, которую я сто раз видел на планёрках, когда он тыкал в графики и кричал. Сейчас он не кричал. И это пугало больше.

— Алексей Анатольевич, и вы? Того?

— Кого того?

— Ну, умерли...

Честно скажу, удивился я сильно. Во-первых, я был уверен, что такой человек, как мой заводской директор, уж точно переживёт всех и вся. Ну, просто назло или по привычке. Во-вторых, не думал, что из всех тысяч людей, кого бы я хотел увидеть после смерти, апостолом Петром окажется именно он.

— Я не Алексей Анатольевич. Ты захотел так увидеть и поэтому видишь меня в таком образе и месте. Легче исповедоваться?

— Скорее привычнее. А кто тогда вы?

Он усмехнулся — той самой усмешкой, которой встречал мои опоздания на планёрки. Снисходительно, но без злобы. Так улыбаются люди, которые знают больше, но не обязаны делиться.

— Мы? Это совсем не важно, гораздо важнее кто ты, откуда ты и куда ты идёшь, — он слегка закатил глаза, это безусловно придало важности этому моменту.

Я вспомнил, как точно так же он закатывал глаза, когда я просил подписать заявку на новое оборудование. «Важно не то, что ты хочешь, а то, что нужно заводу», — говорил он. Теперь завод остался там, на земле, а я сидел перед ним в загробном кабинете. Ирония? Да нет. Скорее, закономерность.

— И вопросы такие же. А ещё говорите, что вы не Алексей Анатольевич и, как всегда, на все вопросы вы сами точно знаете ответы. Поэтому можно хотя бы после смерти я не буду играть в эти игры. Давайте лучше сразу к моей обязательной части: что со мной будет дальше?

— Тут есть вариации, всё в ваших... руках. Самое трудное, как и при жизни: понять, чего вы сами хотите, на что вы ради этого готовы? Исходя из вашего душевного состояния и анализа вашей жизни мы можем предложить вам переродиться в прошлое, где-то между тринадцатым или четырнадцатым веком, в семье порядочных, но бедных крестьян на месте, где при вашей жизни была Венгрия — это интересно: мягкий климат, но продолжительность жизни где-то 27-28 лет.

Я представил себя венгерским крестьянином. Грязь, солома, коза. Жена-крестьянка с мозолистыми руками. Дети-крестьянки с сопливыми носами. И всё это — в тринадцатом веке, где единственное развлечение — не умереть от чумы. Перспектива так себе. Хотя, если честно, в моём последнем воплощении развлечений было не сильно больше.

— Переродиться в прошлое? Как это возможно?

— О, намного проще, чем в настоящее. Просто вплетаешь бисер в уже существующий рисунок. Также можем предложить переродиться в 32-33 веке, но там сейчас из вариантов в основном возможность стать биологическим роботом с синтезированной душой. Из плюсов сможешь долго жить, потенциально вообще бесконечно. Из минусов... может не повезти с семьёй.

— Брррр... А если я знаю чего хочу?

— О, хотите начать с той же точки, где закончили? Слышал это миллиарды раз. Дело в том, что вы не можете воскреснуть, вы не Божий сын, а вообще-то просто Дмитриевич, и чем скорее вы это поймёте, тем всем будет проще, — на его лице была непривычно добрая и снисходительная улыбка, не было даже и грамма обычной пассивной агрессии.

Я вспомнил, как при жизни мечтал начать с чистого листа. Не с понедельника, не с нового года, а по-настоящему. Чтобы без хвостов, без долгов, без этого вечного ощущения, что ты кому-то должен. И вот, пожалуйста, — чистый лист. Только почему-то он выглядел как старый бланк с графами, в которые уже вписаны варианты, не предполагающие отказа.

Я сидел в этом кабинете, напротив человека с волосатыми пальцами, и думал: «Ну вот. Ты хотел перемен? Получи. Теперь выбирай: венгерский крестьянин или биологический робот». И где-то в глубине души я уже понимал, что никакой это не выбор. Это тест. А я тесты с детства не любил. Особенно вступительные.

Я снова посмотрел на директора. Он ждал. Всегда ждал. Всю мою жизнь ждал, чтобы я сделал первый шаг. И вот — дождался. Я сделал шаг. Правда, не туда, куда планировал. Но, как говорится, нога сама вынесла.

— И всё-таки, — сказал я, — что со мной будет?

Он откинулся в кресле и сложил руки на животе. Точь-в-точь как на планёрках, когда готовился выдать очередное чудесное поручение.

— Всё зависит от того, как быстро вы перестанете цепляться за своё «я» и начнёте думать о своём «дальше». Смерть — это не конец. Это пересадка. Просто вы пока не знаете, на какой станции сошли.

— И куда я еду?

— Пока — никуда. Сначала надо решить, с каким багажом вы путешествуете. А багаж у вас, скажу честно, тяжеловат.

Он пододвинул ко мне какую-то папку, которую я до этого не заметил. Я открыл. Внутри был лист с моей фамилией. И списком. Длинным списком всего: хорошего и плохого, уместного и не очень, желаний, поступков и не сбывшихся мечт. Я захлопнул папку.

— Я хочу вернуться.

Директор посмотрел на меня. Потом на графин с водой. Потом снова на меня. И сказал:

— Хотеть — не значит мочь. Но знать, чего ты хочешь, — это уже половина пути. Вторая половина — понять, на что ты готов ради этого.

Он налил воды в стакан. И подвинул его ко мне. Я взял. Рука не дрожала. Это было хорошим знаком. Или плохим. Времени разбираться не было.

Я выпил воду. Она была тёплой. Как будто только что из-под крана. Но почему-то показалась вкуснее всего, что я пробовал за последние годы.

— Так что же вы предлагаете? — спросил я.

— Пока — ничего. Сначала выпейте ещё. Разговор будет долгим.

И я выпил. А он начал рассказывать. И чем дальше он говорил, тем яснее я понимал: смерть — это только начало. И у меня, похоже, есть шанс начать всё заново. Правда, на чужих условиях. Но это всё равно лучше, чем стать венгерским крестьянином.

Глава 1. Директор и Сириус

The Doors — «People Are Strange»

Директор молчал. Тишина пропитывала кабинет.

— Давайте посмотрим, что мы можем предложить. За исключением двух ранее оговоренных вариантов и с учётом высказанных пожеланий, мы можем предложить вам переродиться собакой, приблизительно в то же время, когда вы умерли. Плюс-минус 20 лет от точки.

— Собакой?..

— Да, собакой. Порода по желанию, но лучше выбрать маленькую: больше шансов нормально пристроиться. Да, собакой. И то, только из-за 13 июля 2017 года. Вы тогда в последний момент отменили поход к парикмахеру. Помните? Она не поехала на работу и потому не сбила Павла Геннадьевича Матвеева.

— Павла Геннадьевича Матвеева?..

— Вы не знаете, кто такой Павел Геннадьевич Матвеев? Мне докладывали, что вы были очень образованы.

— Я вообще кандидат наук! — я сказал это так серьёзно, будто бы это могло что-то значить при текущих обстоятельствах.

— О, да. Тут написано.... экономических. Тем не менее, за это, так и быть, можете вернуться какой-нибудь чихуахуа или, скажем, той-терьером. Что думаете?

— Постойте. 20 лет плюс-минус — это вся собачья жизнь. Да и быть собакой — рожусь в Австралии и никогда не увижу никого из тех, кого я знал. Да и с хозяевами может не повезти: как я понимаю, три прогулки в день, пинетки и курточка совсем не гарантированы. Постойте, мой пёс Сириус — что хорошего он сделал, чтобы переродиться ко мне?

— Сириус другое дело, он сам захотел жить с вами. Сириус — ваш дальний родственник по материнской линии, примерно 18 поколений назад. Ему вас очень рекомендовали.

— Вот это промах, мне очень неудобно перед ним... Погодите, а кошка? Моя кошка Юлька из детства?

— Иногда кошка — это просто кошка, — видно было, что лимит вопросов практически исчерпан.

Я начал нервничать. Будто начинает болеть голова. Разве может болеть голова, когда головы уже нет? Видимо, память о боли, фантом. Интересно, есть ли здесь небесные таблетки от боли. Так или иначе, а разговор заходил в тупик: задерживать уважаемых людей больше не было никакой причины, а перспективы быть собакой казались всё более реальными. Ощущение прижизненной недосказанности давило сильным грузом, так что казалось возможность вернуться обратно хоть бы и на миг уже дорогого стоит. Стоит всего.

— Ну, не убивайтесь вы так, — повторял мой директор, — тут ведь как в жизни: сожалешь о закрывающейся двери только до того момента, пока не откроется новая. В новом теле вы моментально забудете весь свой прошлый телесный опыт.

— А если я не хочу забывать? — вихрем, будто перед глазами, промчались все не выполненные планы, все недосказанности, нанесенные обиды и не принесенные извинения, все обещания, которые уже не сдержать.

Но договорить я не успел, у шефа зазвонил телефон. Знаете, эти телефоны с вращающимся диском с цифрами и мерзким переливом, таким, что кажется, по нему вряд ли могут быть сообщены хорошие новости.

— Алло, да, да, что-о-о? Крушение шаттла при взлёте? Сколько погибших пилигримов? Конечно, конечно, я буду лично. Отложу. Это важно, и такого не было уже очень давно, да, можете на меня положиться.

Директор выглядел очень возбуждённым. Даже каким-то торжественно возбуждённым.

— Слушайте, у меня срочная командировка. Мне нужно перемещаться прямо сейчас. 2156 год, переселение на Марс, первые неудачи. Я видел твоё досье, и у меня к тебе предложение, от которого невозможно отказаться, — ты подменишь меня, тем более что ты всегда хотел меня подсидеть. По итогам решим, как я ещё могу тебе помочь. Идёт? — Шеф договаривал это уже спиной ко мне, было очевидно, что он не ждет каких-либо рассуждений, многосложных ответов или возражений. Он очень торопился.

За неимением лучших вариантов досуга, а также исходя из природной душевной пытливости, я внутренне согласился ещё до того, как он договорил. Нужно сразу оговорить, что у меня никогда не было синдрома Бога. То есть, конечно, внутренним мерилом я всегда расстилал прокрустово ложе, но по большей части для себя, а осуждая и рассуждая других, слишком быстро делал вывод, что и сам не лучше. Как говорится, в любом расследовании важно не выйти на самого себя.

— Идёт. Если я справлюсь, то дадите мне второй шанс? Допустим, вместо тромба просто камень из пузыря будет выходить один, ну, пусть даже два дня? Хотя бы продолжим этот разговор на том, на чем остановились. — Я видел, как вздрагивали от раздражения его массивные плечи.

— Обсуждаемый момент, но гарантировать сейчас ничего не буду. Просьба слишком некорректна. Придётся вам поработать с особым контингентом, — он вскинул правую бровь и в уголке рта, что это? — это намек на улыбку?

— Поработаю. Сложности меня никогда не пугали. И ещё. Мне не нравится этот кабинет, могу ли я выбрать сам место службы на время вашего отсутствия? — у меня назрела просто восхитительная идея.

— Место можете выбрать сами, но не факт, что вновь прибывшие на это согласятся. Тогда возможны метаморфозы, к ним нужно быть готовым. Моя помощница будет передавать вам досье на новичков для ознакомления за несколько минут до их появления.

Последние фразы пролетали уже мимо меня. Я был поглощён выпавшим шансом. Я увлёкся. Такое со мной часто бывало.

Глава 2. Поездка с банкиром

Massive Attack — «Angel»

Машина была скромной, но с очевидным вкусом. Это был чёрного цвета Шевроле Импала, 1970 года. Ни единой трещинки и царапинки, в салоне не курили, а также был лёгкий запах озона. Фары горели жёлтым огнём, а салон, будто комфортабельный диван, должен был повторить черты мягкого места любого, кто на него присядет. За рулём многосильного двигателя был мужчина в тёмно-синей куртке, лёгкой синей фуражке с чёрным пластиковым козырьком. Навигатор на бортовой панели говорил о том, что водителю часто приходится осваивать новые маршруты, а счётчик километража, который делал не первый свой круг, свидетельствовал о множестве пройденных испытаний и исследованных мест. Последним аргументом в пользу того, что машина использовалась для частного извоза, была надпись на панели пассажирского сиденья — «в машине не курить». В бардачке виднелась увесистая папка с множеством листов и будто край фотографии. Было видно, что папку недавно листали и отбросили.

Такси медленно выезжало из-за поворота и приближалось к мужчине, будто бы долго ожидающему и оттого раздражённому стоящему на углу respectable дома в три этажа.

— Добрый день! Присаживайтесь.

— Добрый, — буркнул мужчина под нос и присел на пассажирское сиденье за водителя.

— Вам не кажется, что сегодня очень туманно. Обычно такие туманы свойственны для раннего утра и межсезонья. Неожиданно, не правда ли?

— Давайте уже поедem, — мужчина был очень раздражён. Всё его тело было напряжено. Машина тронулась, и он будто немного выдохнул.

— Да, конечно. Я тут совсем недавно. Могу ошибаться с дорогой, вы меня поправляйте, если увидите, что пропустил поворот. К тому же навигаторы сейчас работают совсем плохо. Как вас зовут?

Странно, но было видно, что лицо мужчины с раздражённого начинает меняться на озадаченное. Это было лицо с возрастными морщинами. Вы бы дали ему на вид не меньше 60-65 лет. Грузное тело, смуглая кожа и глубокие морщины в области переносицы скажут вам о том, что мужчина часто морщил нос и сунул брови, а тонкие губы свидетельствовали о возможной жестокости и решительности. Мужчина был в бежевом лёгком пальто, сумкой Dr. Coffe светлой кожи, брюки чёрного цвета без единой складки будто хрустели при контакте с мягким креслом. Что уж там говорить, ботинки блестели чистотой. Было очевидно, что он пристально следил за внешним видом — это был его рабочий атрибут. Но отмечало мужчину не это, у него был тонкий шрам через всю щеку справа.

— Меня зовут... Сергей, Сергей Петрович. Да. Я очень тороплюсь на деловую встречу, это пятый квартал, Советская улица. Минут 30-40 от моего дома, с учётом постоянных пробок, — он стал выглядеть ещё более растерянно, когда, как бы подтверждая свои слова, показал пальцем в окно, но на этот раз дорога была пустой.

— Очень приятно, Сергей Петрович. Вы хорошо себя чувствуете? Выглядите встревоженным, — машина медленно двигалась, навигатор молчал.

— Нездоровится с утра. Доживёте до моих лет — поймёте.

— Это точно. Мой дедушка говорил, что здоровье — это когда каждый день болит, но в разных местах. Что-то в этом есть, не правда ли?

— Я всё-таки думаю, что здоровье — это когда ничего не болит, — Сергей Петрович был очень сдержанным, видно было, что он что-то усердно анализирует, обдумывает.

— Что-то будет болеть всё равно, такова жизнь. Говорят, что все болезни от нервов, я честно в этом сомневаюсь. Думаю, что все болезни от работы и нервы в том числе. У вас нервная работа, Сергей Петрович? Кем вы работаете?

— Я банкир, — на этот раз ответ был дан практически машинально. Видно было, что это он осознавал абсолютно отчётливо.

— Ого. Банкир — звучит очень важно. Я бы даже сказал высокодоходно. А банкир — это сложная работа? — на словах «высокодоходно» Сергей Петрович начал морщить нос.

— Разная работа, разные клиенты. Как и у вас, в общем-то. В списках «Форбс» не значимся.

— Мне кажется, работа с деньгами — это очень ответственно. Все эти кредиты-депозиты. Я бы никогда не разобрался. Нужно ведь, чтобы и клиенту было выгодно, и банк остался в плюсе?

Сергей Петрович едва заметно поморщился.

— Клиент всегда будет недоволен. Деньги обостряют аппетиты, и чем их больше, тем больше их хочется. Как клиентам, так и самому банку. Только вот у клиентов ощущение богатства, а у банка реальные комиссии. Взрослый мир — баланс между абсолютным злом и злом приемлемым.

Впервые за время в пути навигатор издал какие-то звуки. Звонкий женский голос сообщил, что на ближайшем повороте необходимо повернуть налево. Сергей Петрович углубился в свои размышления, было видно, что он что-то проматывает в голове.

— Про баланс это вы хорошо сказали, Сергей Петрович. Правда, иногда люди и его нарушают. Я читал в газете, что две недели назад в банке «Гарант-Инвест» менеджер отдела операций на открытом рынке так вот баланс и нарушил. Якобы имели место какие-то там транзакции с привлечением средств вкладчиков без их согласия. Даже говорили, будто многие люди потеряли свои средства, а менеджер в итоге будто бы скрылся от ответственности, его сейчас ищут в стране, все углы обшаривают. Самое интересное, что его руководитель сообщил, что ничего не знал об операциях. Ха-ха. Будто бы все они проводились в ночную смену, когда в банке никого не было. Разве мог менеджер, который в банке без году неделя, выйти без ведома руководителя в ночную смену, получить доступ к средствам вкладчиков и купить на все средства бумаги фирмы-однодневки, которая на следующий день заявила о ликвидации, а учредители скрылись за границей. Как думаете, Сергей Петрович?

Пассажир снял кепку. Было видно, что разговор доставляет ему физическую тяжесть. Также было видно, что он не понимает, почему ему так неприятно это слушать.

— Я 40 лет проработал в банке. Могу вам сказать, что то, что вы говорите, — полная ересь. Для реализации этого договариваться нужно будет также с начальником службы безопасности. А выводить деньги нужно так быстро, чтобы полиция и финансовые регуляторы не успели арестовать счета. А это произойдёт уже к 10 часам утра. К тому же такие действия принесут разорение множеству частных инвесторов. Зная банк «Гарант-Инвест» по долгу службы, могу сказать, что туда и вкладываются одни пенсионеры и домохозяйки. Давайте не будем обсуждать эти фантастические варианты. А вы лучше будете следить за дорогой?

Такси заметно ускорилося. Водитель давил на газ, а за окном начинало всё сильнее смеркаться, будто каждый километр приближал машину к ночи. Навигатор сообщил о необходимости двигаться прямо.

— Так ведь в той же статье, Сергей Петрович, и было написано, что начальника службы безопасности арестовали при аналогичной попытке пересечь границу. Якобы при нём было несколько миллионов в валюте наличными. Я слышал, что он сейчас под следствием. А про инвесторов вы правильно сказали: фото со всеми этими божьими одуванчиками у офиса банка на каждом газетном развороте. Ну и шороху наделала эта троица. Неужели им не жалко доверившихся людей?

Клиент капитально напрягся. Было удивительно, как шрам на щеке поменял цвет на пунцовый, а вена на лбу набухла и стала выпирать.

— Людей?... Людей всегда жалко. Только вот жалостью не оплатить реальные затраты. А реальные затраты всегда есть там, где есть реальная жизнь. Люди рождаются – это стоит денег. Люди растут – это стоит денег. Люди учатся, встречаются, женятся, появляются новые люди, новые люди появляются у самих новых людей ... А если человек заболел? А если заболел серьёзно? А если человек - ребенок? Вот вам в пример моя внучка. 10 лет. Болезнь... Теряет зрение каждый день. Инвесторы, вкладчики? Поплачут и забудут: будет что обсудить на кухне вечером и кого обвинить во всех бедах своего и следующего поколения, а может и предыдущего. А девочка? Девочка перестаёт видеть мир вокруг, родных. Вы знаете, я, бывало, приходил с работы, а она в окно меня видела ещё за несколько сотен метров, и когда я подходил, то первое, что видел, — это её игривый взгляд в окне, машущая рука. «Дедушка, я сегодня видел таааакуууу птицу». А эти вопросы на балконе, когда я курил, а она спрашивала, что за марка машины проехала? — это вы считаете можно оценить деньгами?

Машина будто сбавляла скорость. Видно было, что водитель сфокусирован на центральном зеркале заднего вида. Сверлит глазами. На лбу у Сергея Петровича выступил пот.

— А родители её? Они разводят руками и говорят, что операция такая дорогая, нам не по карману. И что, что дорогая? Да разве непонятно, что есть вещи дорогие, а есть вещи бесценные. Уж я, как банкир, это знаю наверняка. А ещё есть ответственность. Я также курю. Я теперь сам говорю, что вот это Опель, что вот это Форд. Она улыбается. А видит ли она их? Я знаю, что она не видит их. И если я не помогу, то никогда не увидит. Понимаете? Черная тушь упадёт на белую салфетку и вы будете видеть, как она за короткое время промочит её всю. Я не смогу это вынести.

Водитель притормозил. Остановился. Навигатор твердил, что нужно двигаться прямо. Таксист о чём-то сосредоточенно думал.

— И что, у вас есть идеи, как помочь внучке? – водитель закусил левую щеку и прищурил глаза, фокусируясь на госте.

— На самом деле идей не много, одна хуже другой, — Сергей Петрович глубоко вздохнул. — Видите ли... я стар. Пересадка чего-либо от меня не поможет. Денежную сумму на операцию мне не займут в силу возраста. Заработать такую сумму я не успел и за всю жизнь. Я хорошо зарабатывал, но и щедро тратил. Теперь, когда её родители смирились, я одновременно и последний борец, и последний глупец. Я просто не могу наблюдать, как ситуация ухудшается, и не могу смотреть на то, как мир всё больше укрывается от неё. Вы меня понимаете?

Водитель стучал костяшками пальцев по рулю. Секунда, другая. Крутой поворот рулём.

— Вы сошли с маршрута, — навигатор говорит громче обычного. — Вы сошли с маршрута, — навигатор настаивал. — **ВЫ! СОШЛИ! С МАРШРУТА!** — навигатор кричал, а водитель резким движением руки выдернул его из розетки автомобиля.

Сергей Петрович поднял вопросительные глаза на таксиста, отчасти из-за крутого разворота, которого не было в его памяти по этому маршруту, отчасти из-за резко набранной скорости. Он придержал сумку, чтобы она не покатила по салону автомобиля.

— Совру, если скажу, что понимаю. Думаю, что родительскую боль от бессилия можно только прочувствовать, а тот, кто не знал, может лишь интуитивно чувствовать её возможную глубину, как заходя в воду и вдруг теряя дно под ногами, мы понимаем, насколько глубока может быть яма, которая разворачивается прямо перед тобой. И счастливы от того, что не мы в неё попали, видя по новостям репортаж об очередном несчастье. Могу только сказать, что мне очень, очень жаль.

Удивительно, но за окном становилось всё светлее. Машина ехала на полной скорости, встречных помех не наблюдалось, а лицо Сергея Петровича будто разглаживалось. Он продол-

жал что-то прокручивать, но уже не так болезненно, а более утвердительно, как бы соглашаясь с самим собой.

— Проблема, Сергей Петрович, только в том, что и у хороших поступков есть цена. Знаете, как в школе: есть доброе зло, а есть злое добро. И осознание злого добра приходит слишком поздно. Когда мы его ужепустили. Когда мы за него уже были благодарны — и человеку, и судьбе. А потом приходит понимание: есть поступок, а есть его последствия.

С каждым мгновением Сергей Петрович будто просыпался от глубокого сна. Глаза становились всё шире. Таксист остановился. За окном стояло абсолютно ясное летнее утро, безоблачное, без единого намёка на недавний туман.

— Мы приехали, Сергей Петрович, вам пора. — Водитель увидел, как дедушка полез увесистую сумку за кошельком. — Это бесплатная поездка, вы ничего мне не должны.

Сергей Петрович растерянно открыл дверь, продолжая перебирать замок сумки морщинистой рукой.

— Подождите. А что случилось с третьим? Ну, с третьим банкиром? Руководителем этого менеджера. — Сергей Петрович одновременно с вопросом и ответом в собственных глазах задал этот вопрос, выпалив его на одном дыхании.

— Он единственный не успел скрыться: Его нашли люди, нанятые собственниками банка. Да он будто особо и не прятался. Его тело обнаружили в парке, прямо рядом с его домом. Пуля прошла через щёку. Денег при нём не обнаружено.

Сергей Петрович замер, неотрывно глядя в глаза водителя.

— А моя внучка?

— С ней всё хорошо. Операция прошла успешно. Девочка скоро будет совсем здорова.

Таксист заметил тень улыбки на лице старика. Тот протянул руку. Рукопожатие. Рука была ледяная и очень твёрдая. Сергей Петрович был доставлен.

Глава 3. Досье с металлическим привкусом

Radiohead — «Climbing Up the Walls»

Мятежная душа. Страдал за это при жизни и, видимо, буду страдать после смерти. Я увидел в новой папке записку, написано убористо и с нажимом: «Директор недоволен, скоро будет». Хорошее начало для стажёра — первое же дело, и уже выволочка на подходе. Впрочем, что поделать: во-первых, меня не обучали, во-вторых, кем мы станем без импульсивных поступков? Я потёр виски — фантомная головная боль возвращалась в минуты волнения. Вздохнул и потянулся к досье. Ниже фотографии значилось: «Направо». Видимо, готовое целевое указание для глупого исполнителя. Я решил изучить дело внимательно, чтобы второй раз не наступать на те же грабли.

ДОСЬЕ: Личное дело 07-24

Гриф: «Для служебного пользования»

1. Общие установочные данные

Фамилия, имя, отчество: Градов Виктор Романович.

Дата рождения: 15 ноября 1972 г.

Место рождения: г. Северореченск (ЗАТО, статус неактуален с 1994 г.).

Социальное происхождение: воспитанник детского дома 3 г. Северореченска. Сведений о родителях и родственниках отсутствуют.

2. Физические характеристики

Рост: 164 см. Телосложение жилистое. При первой встрече производит впечатление человека незаметного, почти невесомого. Движения тихие, походка бесшумная.

Особые приметы: Выраженный мышинный прищур — глаза маленькие, глубоко посаженные, с характерной манерой слегка прищуриваться, всматриваясь в детали. Нос заострён, черты лица мелкие, подвижные, создают впечатление настороженной кротости. Редкие пегие волосы аккуратно зачёсаны набок. Кисти рук небольшие, пальцы цепкие и на удивление сильные для его комплекции. Улыбка мягкая, но из-за строения челюсти напоминает оскал грызуна.

Дополнительно: Всегда опрятен, костюм чуть великоват, создаёт трогательный контраст между солидностью статуса и фигурой, по середине лба шрам правильной круглой формы, размером с монету в пять копеек.

3. Профессиональная деятельность

Последняя должность: Генеральный директор и основатель ООО «ГрадСтройХолдинг» (год основания — 2008).

Специализация: Проектирование и строительство детских садов, школ-интернатов и центров дневного пребывания для несовершеннолетних. За 15 лет компанией построено 47 объектов социальной инфраструктуры. Нареканий от приёмных комиссий не поступало. Московским детским домом номер 412 руководит лично с момента открытия.

Карьерный рост: Начинал разнорабочим в середине 90-х, работал на восстановлении аварийных зданий. В 2005 году стал прорабом, возглавил ремонт спальных корпусов в родном детском доме. В 2008 году открыл собственную компанию. С тех пор лично курирует каждый социальный объект.

4. Психологический портрет (по косвенным данным)

Голос высокий, с мягким присвистом. Не переносит повышенных тонов — в такие моменты затихает, начинает потирать ладони. Основная черта — гиперопекающее внимание к уязвимым. С подопечными контактирует лично, регулярно посещает объекты.

5. Социальная и благотворительная деятельность

Ежегодно переводит значительные суммы в фонды поддержки детей-сирот. Выпускники учреждений, построенных его компанией, получают стипендии Градова при поступлении в строительные колледжи. Примечательно, что спустя годы некоторых из них он привлек к работе в «ГрадСтройХолдинг» и построенные им детские дома и социальные объекты.

6. Резюме

Виктор Романович Градов — человек сложной судьбы, превративший личную детскую травму в миссию. Скромный, незаметный, кажущийся уязвимым, он обладает внутренней нестигаемостью человека, который выстроил себя сам. Его забота о детях глубоко искренна и подкреплена делами. Множество раз рекомендовался к общественным наградам за вклад в развитие социального строительства.

Умер на рабочем месте в возглавляемом им Московском детском доме номер 412. Адрес: г. Москва, район Некрасовка, ул. Руднёвка, стр. 16Б.

Причина смерти (согласно акту): Скоропостижная остановка сердца в рабочем кабинете. Медицинское заключение: острая сердечная недостаточность на фоне общего переутомления. Следов насильственной смерти не выявлено.

Рекомендован к зачислению.

От прочтения досье складывалось неоднозначное ощущение. При кажущейся гладкости делового человека со странностями ощущался недосказанный подвох, двойное дно с неприятным металлическим привкусом.

Довольно долго пришлось ожидать в машине около тёмного цвета здания, на вид напоминающего контору какой-то крупной строительной компании. Задняя дверь открылась, и в машину залез Виктор Романович. Он был одет в плотного кроя пиджак и брюки, тёмно-синий цвет внушал спокойствие и должен был подчеркнуть статус носителя. Его глаза были глубоко посажены, а редящие волосы аккуратно зачёсаны набок. Шрам в виде кружочка на лбу делал ему в некотором роде комичное сходство с героями индийских фильмов, но острый нос и взгляд отбивали всякое желание улыбнуться при общении с ним.

— Добрый день! Я вас заждался, какие-то проблемы? — я старался быть максимально доброжелательным, но без навязчивости.

— Вы таксист, ваше дело ждать, потом везти куда скажут, — Виктор Романович был явно не в настроении. — Мне нужно на Руднёвку, 16Б. Быстрее, пожалуйста.

Виктор Романович выглядел одновременно возбуждённым и рассерженным. Будто что-то важное предстояло сегодня сделать и он очень переживал, что не успеет.

— Да-да, это точно так. Руднёвка, 16Б, это какая-то окраина, никогда раньше там не был, — я очень старался быть доброжелательным.

— Разве из нас двоих таксист — это я? Ориентиры: конец автобусного маршрута 31, сразу за гаражным кооперативом «Рассвет-2». Здание стоит в тупике, упираясь фасадом в лесополосу, — механически отчеканил директор. Было понятно, что он был там множество раз и многократно объяснял, где находится место его работы.

— Спасибо за подсказку, — автомобиль медленно тронулся. — Позвольте уточнить, как вас зовут? Скорее всего, по ходу движения мне придётся много раз уточнять у вас маршрут...

— Виктор Романович, — это было сказано очень резко, видимо для того, чтобы его имя врезалось сразу в память собеседника.

— Очень приятно, Виктор Романович. Позвольте ещё спросить: мы едем из такого респектабельного района на самую окраину, вам нужно туда по рабочим вопросам? Мне нужно понять, следует ли торопиться...

Вопрос повис в воздухе, по ощущениям не меньше десяти минут гость просто молчал, перебирал собственные пальцы и силился что-то разглядеть в окне. Он то улыбался, то хмурился, каждый раз были видны его заострённые передние зубы. Виктор Романович начал разговор сам.

— У вас есть дети? — это звучало одновременно утвердительно и как-то зловеще, он не смотрел на меня, а также не отрывал взгляда от окна.

— Да, были, то есть есть.

— Они послушные? – Вопрос был задан так неожиданно и будто совсем не по порядку стандартных вопросов. При этом это звучало с каким-то неестественным шипением, «послушшшшные».

— Насколько вообще могут быть послушны подростки, — мне было странно, что он начал разговор о детях, начал его сам.

— Я много времени посвятил воспитанию детей, — Виктор Романович не отрывал взгляда от окна. — Тут как с растениями, важно создать благоприятную среду, да. В благоприятной среде запросто вырастить красивые цветы, полезные растения. Знаете, среда — это всё. Бытие определяет сознание. Если у ребёнка созданы условия для гармоничного роста, общения со сверстниками, игр, сна и обучения — можно быть почти уверенным, что из него получится хороший человек. Если же этого нет, то нечего удивляться появлению сорняков, — последнее было сказано как бы с особым нажимом, видно было, что директор проговаривает то, в чём аксиоматически уверен. — А сорняки, к сожалению, не только сами отравляют среду, но и способны испортить весь остальной цветник. Ребёнок впитывает, как губка, всё, что его окружает, и как губка выдавит это на окружающих. Поэтому так важно, чтобы сорняки были своевременно удалены.

Последнее прозвучало как-то зловеще. Но, может быть, мне так показалось.

— Вы так глубоко погружены в вопросы воспитания. Вы учитель? — мне хотелось, чтобы он сам сказал, кем он работает.

— Нет, я в первую очередь строитель. Сейчас мы едем в детский дом, который я построил, точнее перестроил по собственному проекту. Я сам вырос в детском доме и что-то понимаю в том, как это устроено. Получилось так хорошо, что я решил лично его курировать, попечительский совет сам попросил меня возглавить эту работу, и вот уже девять лет, как я слежу за садом. Дети зовут меня «Дядя Витя». Я привожу подарки, иногда просто сижу в углу актового зала и смотрю, как они играют. Вы не представляете, какое это счастье — видеть, что в твоём саду нет сорняков.

— Удивительно, директор детского дома и крупный строитель. Казалось бы, совсем несовместимые вещи. При этом обе работы такие нервные. Я слышал, в этих детских домах чего только ни происходит: всё-таки подростки да ещё и без родительского присмотра — употребление, драки, буллинг. Я думаю, всё это в порядке вещей, как вам удаётся с этим справиться? — на последнем предложении Виктор Романович протяжно улыбнулся и немного кивнул. Он впервые перевёл на меня свой взгляд и пристально посмотрел. Он вдохнул воздух, и было件нятно, что ему есть что сказать. Автомобиль размеренно ехал по пустынным дорогам.

— Знаете, как говорят, про бочку мёда и ложку дёгтя. Тут приблизительно такой же принцип — задачка одна: поймать ложку дёгтя ещё до того, как она упадёт в бочку. А если упала, то не дать ей раствориться в нём. Это непростое занятие и требующее внимания на

самом верхнем уровне. Понимаете, я прожил это на собственной шкуре, я... — И Виктор Романович начал свой рассказ.

— Если вы выросли в полной семье, то вам, пожалуй, не понять, что такое детский дом и ребёнок в нём. Я рос с отцом, мы жили в одном из закрытых городков, отец служил в местной воинской части. В один из дней, мне было порядка 10 лет, в школу пришёл мужчина в форме и отпросил меня с занятий, рассказывал что-то о том, как ему жаль, о каком-то несчастном случае, дальше много открытых дверей, кладбище, детский дом в ЗАТО. Это не было моим первым знакомством с тем, что такое общество подростков без взрослых, с собственными законами и иерархией, но это было первое знакомство с жестокостью, жестокостью ничем не обоснованной, не мотивированной. Признаться, тогда я ещё думал, что всё это большая ошибка и меня скоро заберут — отец всегда говорил, что у него есть двоюродная сестра, они даже обменивались письмами, но чуда не произошло. Шли дни, непонимание от несправедливости ситуации копилось. В доме были взрослые, но едва ли им было дело до нас, да и должно ли быть, когда взрослых не более пяти человек, а детей под три сотни. Там, где нет власти, сильный быстро её захватывает. За первый год я получил прозвище «Крыса», видимо из-за своих зубов, потерю веса и вот... — Виктор подвёл указательный палец на свой лоб, прямо к аккуратному шраму. — Как думаете, что это? Потушенный окурок прямо в детский лоб. Бам! От такого каждый бы мог озлобиться, но не я. Мне уже тогда было понятно, что дети не виноваты. Всё дело в безразличных взрослых. Всё дело в системе. Система не помогала адаптироваться, а поощряла насилие, возводя самых отъявленных хулиганов в ранг неприкосновенных. Эти сорняки... их поливали, вместо того чтобы вырывать с корнями. Сорняки захватывали сад. Руководству было удобно их наличие, ведь в случае, если кто-то не слушался, — всегда можно было воздействовать, так сказать, нетрадиционными методами. Уже тогда я думал, представлял и воображал, как я сам руковожу этим заведением, как я строю дом, в котором нет места детскому насилию, где все живут и растут в гармонии, каждому найдётся место. Я рано увлёкся ботаникой и архитектурой, украдкой читал книги, искал места, где это было безопасно, как крыса, я открыл для себя норы, в которых мог быть один. Это очень просто, главное — вернуться к пересчёту и не забывать, что ты должен отдать долю от получаемой еды и редких социальных подарков от города или жертвования людей. В итоге я смог выработать ряд принципов и правил, внедрение которых в функционирование таких учреждений поможет им стать подлинным домом для детей, а сорнякам — стать цветами.

Я очень внимательно слушал. Складывалось впечатление, что Виктор Романович действительно увидел все минусы системы и смог переосмыслить их, создать что-то лучшее. Но кое-что не давало мне покоя.

— Вы так много говорите о сорняках и их удалении. Разве это не является таким же элементом взросления? — я видел хулиганов в школе, во дворе и действительно есть те из них, кто плохо закончил. Но в подавляющем большинстве из них выросли обычные среднестатистические люди. Иными словами, мне не удалось установить обязательную зависимость между хулиганом ребёнком и преступником взрослым.

Виктор Романович медленно повернул голову. Впервые за всю поездку он посмотрел мне прямо в глаза — и в его мышинном прищуре мелькнуло что-то, чего я не ожидал. Не гнев. Не раздражение. Будто азарт. Так смотрит человек, нашедший внимательного слушателя.

— Взросление, — произнёс он, пробуя слово на вкус. — Красивое слово. Им прикрываются те, кто не хочет наводить порядок. Но вы спросили — я отвечу. Да, я удалял сорняки. Но не так, как вы подумали. Я создал систему. Помните, я говорил про норы? Места, где можно быть одному. В моём детстве это были щели, подвалы, чердаки — грязные, холодные, но безопасные. Когда я строил свой первый детский дом, я спроектировал такие норы сам. Специальные комнаты. Небольшие. Без окон. Там можно подумать. Успокоиться. Перестать быть сорняком.

Он говорил об этом так буднично, что понадобилось несколько секунд, чтобы осознать услышанное.

— Комнаты? — переспросил я.

— Называйте, как хотите. Комнаты тишины. Воспитательные боксы. Норы. Главное — результат. Трудного ребёнка помещают туда на несколько дней. Иногда на неделю. Никакого насилия, просто тишина. Темнота. Одиночество. Этого достаточно. Знаете, что происходит с человеком в полной тишине? Сначала он злится. Потом кричит. Потом плачет. А потом — ломается. И когда он выходит, он уже не сорняк. Он готов стать цветком. Спрашивает разрешения. Благодарит. Улыбается. Я своими руками перевоспитал десятки таких. Тех, кого система списала. Те, кто должен был пополнить колонии или кладбища, теперь работают, учатся, создают семьи. Вы бы видели их глаза, когда они выходят. Чистые. Спокойные. Благодарные.

— А те, кто не выходил? Виктор Романович? — Меня начинало мутить и будто голова начинала набухать в правой височной доле.

Пауза. Долгая. Он снова смотрел в окно, но теперь в стекле отражалось что-то другое.

— Некоторые не выходили, да, — голос стал тише, интимнее, будто он делился профессиональным секретом. — Это особенность метода. Не все выдерживают. Слабые. Или, наоборот, слишком сильные — те, кто не ломается до конца. С такими сложнее. Иногда они просто исчезали. Перевод в другое учреждение, закрытые документы, несчастный случай. Система не любит огласки, а я умею работать с документами. В конце концов, я строил не только стены. Я строил репутацию. И когда исчезал очередной трудный подросток, все только вздыхали с облегчением. Одним сорняком меньше.

Он помолчал.

— Я не чудовище. Я давал им шанс. Каждому. Они могли выйти. Многие вышли. И стали хорошими, полезными людьми. Многие возглавляют или работают во вновь построенных мною заведениях. Понимаете, они стали винтиками или целыми элементами системы. Моей системы, которая даёт результат. А те, кто нет... садовник не может спасти каждое растение. Иногда приходится признать: этот сорняк не станет цветком. Тогда его удаляют с корнем.

Виктор Романович так увлекся своим рассказом, что не заметил, как водитель развернулся и ехал в обратном направлении. Машина замедлилась. За окном не было больше города. Дорога сузилась, асфальт сменился гравием, а гравий — утопанной землёй. Виктор Романович не заметил, как мы въезжали на территорию, огороженную невысоким забором. За ним виднелось здание — аккуратное, свежепокрашенное, с табличкой «Детский дом 412». На первый взгляд — обычное учреждение.

— Спасибо за увлекательную беседу. Приехали, — сказал я. — Руднёвка, 16Б.

Виктор Романович посмотрел в окно, и его лицо смутилось. Такое лицо должно быть у человека, которому снится его далёкое прошлое, человека осознающего, что то, что он видит, не может быть в реальности.

— Спасибо, — он слегка трясущейся рукой полез в карман за кошельком. Он прищурившись смотрел в окно — Сколько я вам должен?

— Ничего. Эта поездка за счёт заведения. Виктор Романович, вы так вглядываетесь в окно. Что-то не так?

Он кивнул, взялся за ручку двери и вдруг замер. Что-то в пейзаже изменилось. Краска на стенах детского дома пошла пузырями и начала слезать, обнажая серый, потрескавшийся бетон. Окна, которые были целы, помутнели. Дверь — та самая парадная дверь с табличкой — медленно, со скрипом приоткрылась сама собой.

— Что это? — прошептал он, — Это не 412 детский дом. Это мой детский дом, дом, в котором я вырос. Но этого не может быть. Я лично проконтролировал, чтобы его снесли. Я в этом участвовал.

— Ваш дом, Виктор Романович. Настоящий. Не тот, что в отчётах. Тот, что вы построили на самом деле. Тот, из которого вы так и не уехали.

Из двери начали выходить дети. Они появлялись молча, один за другим, и выстраивались в линию вдоль стены. Разного возраста — от младших школьников до почти взрослых. У некоторых были пустые, стеклянные глаза. Эти стояли смирно, ровно, как на линейке, и едва заметно улыбались — одинаковой, заученной улыбкой. В их глазах не было ничего, кроме тишины.

А потом вышли другие. Те, кого он не запомнил. Те, кто «перевёлся». Те, кто «исчез». Они не улыбались. Они просто стояли и смотрели. И во взглядах этих не было ни ненависти, ни упрёка. Только вопрос. Один и тот же, на всех лицах: «Дядя Витя?»

Виктор Романович отшатнулся от двери, но та уже не закрывалась. Дети стояли и ждали. Не нападали. Не угрожали. Просто ждали.

— Вы не понимаете, — забормотал он. — Я хотел как лучше. У меня не было выбора. Там, в детстве, меня... вы не знаете, что они делали...

— Знаю, — перебил я. — В том-то и дело, что знаю. Вас сломали. И вы решили, что это и есть воспитание. Вы не строили сад, Виктор Романович. Вы построили фабрику. По производству сломленных. И тех, кого не удалось сломать, вы списывали в брак. А теперь — смотрите. Вот ваша продукция. Оцените качество.

Один из мальчиков — тот, что стоял ближе всех, — сделал шаг вперёд. У него на лбу был шрам. Круглый, правильной формы, размером с монету в пять копеек. Точно такой же, как у самого Градова. Только у этого ребёнка шрам был не от окурка. От дверного глазка. Который ввинчивается с внутренней стороны. В комнату без окон.

— Здравствуйте, Виктор Романович, — сказал мальчик. Голос у него был тихий и очень спокойный. Так говорят те, кто провёл в тишине очень, очень много времени. — Мы вас ждали. Проходите. Комната готова.

Градов открыл рот — и не смог издать ни звука. Дверь распахнулась шире. За ней не было вестибюля, актового зала, стендов с грамотами. За ней была комната. Маленькая. Без окон. С идеальной звукоизоляцией. Его комната. По его же проекту.

Он вышел из машины. Медленно, как во сне. Дети расступились, давая ему дорогу, — вежливо, без единого грубого жеста. Те, сломленные, провожали его пустыми улыбками. Те, исчезнувшие, — молчаливым взглядом. Дверь закрылась за ним — мягко, с тихим щелчком. И наступила тишина.

Я сидел в машине и смотрел на здание. Краска снова стала свежей. Окна — целыми. Табличка «Детский дом 412» блестела на солнце. Навигатор ожил. Женский голос произнёс: «Маршрут завершён».

Я завёл двигатель. Фантомная боль в висках прошла. Впервые с момента смерти я чувствовал не её. Я чувствовал что-то другое. Наверное, это называется «опыт». Или «стаж». Или просто — привыкание. Виктор Романович безусловно преступник и заслужил вернуться туда, откуда он начал. Может быть это и называется «чистилище», второй шанс. Мне не давало покоя, что уже второй раз я поступил в соответствии с человеческой моралью, поступил по-человечески нравственной. И это шло вразрез с указанием «досье». Вероятно, понимание нравственности различно, а может быть вообще субъективно. Ведь вот, например, Виктор Романович: искалечил много судеб, но вполне вероятно, что спас еще больше. А Сергей Петрович? Нанёс ущерб тысячам людей, ради спасения одной. Может быть здесь, как на земле: количество превалирует над качеством? Так или иначе, эта работа начинала утомлять меня. После следующего «досье» я попрошусь отсюда. Буду мести небесные полы, пока не вернется Алексей Анатольевич.

Глава 4. Двое

Noize MC — «В темноте»

Новое досье было тоныше предыдущих. Я открыл его сразу, как только выехал из мёртвой тишины детского дома 412. На первой странице — фотография. Двое мальчиков. Одинаковые стрижки, одинаковые рубашки в клетку, одинаковые улыбки: щербинка между передними зубами. Близнецы. Десять лет. Я перевернул страницу. Никаких особых примет, никаких рекомендаций «направо» или «налево». Только два имени: Эдуард и Ян.

Я отложил папку и поехал, куда глаза глядят. Иногда, когда адрес не указан, маршрут прокладывает не навигатор, а чутьё. Так мне сказали на инструктаже, которого не было. Машина сама вырулила на трассу — ту самую, междугороднюю, с отбойниками и редкими фонарями. Время было неопределённое: не ночь и не день, предраассветная муть, когда мир кажется незаконченным наброском, а дороги особенно опасны для неопытных водителей. Я опустил стекло. Воздух пах озоном и мокрым асфальтом. Где-то вдали моргнули два жёлтых огня — и погасли. А потом я увидел их.

Они стояли на обочине. Двое. В одинаковых синих курточках с капюшонами, и держались за руки. Не плакали. Не махали. Просто стояли и смотрели на мою машину с тем особым детским нетерпением. Я притормозил, не доезжая метров десять. Они не двинулись с места. Тогда я вышел сам.

— Привет, — сказал я. — Вы кого-то ждёте?

Тот, что слева, моргнул первым. У него была родинка над правой бровью.

— Мы ждали машину. Вы нас отвезёте?

Голос спокойный, почти взрослый, но с той детской интонацией, когда конец фразы чуть задирается вверх — не вопрос, а надежда. Второй молчал. Он смотрел не на меня, а на машину, она ему нравилась.

— Конечно, — сказал я. — Садитесь.

Они залезли на заднее сиденье одновременно, как по команде. Одинаково пристегнулись. Одинаково сложили руки на коленях. В зеркале заднего вида я видел их лица — серьёзные, бледные, с одинаковыми тенями под глазами.

— Как вас зовут?

— Я Эдик, — сказал тот, что с родинкой. — А это Ян. Мы братья.

— Я понял. Куда едем?

— К родителям, — сказал Ян. Это были его первые слова. Голос тихий, но не робкий, как у человека, который привык, что за него говорит брат. — Мы ехали с ними в машине. А потом увидели два ярких огня. И вышли посмотреть. И они куда-то уехали.

— Ярких огня?

— Очень-очень яркие.

В салоне стало холодно. Я перевёл взгляд на навигатор — его экран был чёрным. Я посмотрел в зеркало. Эдик и Ян сидели смирно и смотрели в окно. Их лица были спокойны — неестественно спокойны для детей, которые не могут найти родителей.

— А куда вы ехали всей семьёй? — спросил я, просто чтобы не молчать.

— К бабушке, — сказал Эдик. — В деревню. Там речка и баня. Папа обещал научить меня нырять с мостика. Я уже пробовал в прошлом году, но у меня не получилось — я боялся, что вода в нос попадёт. А Ян сразу нырнул. Он вообще смелый. Я за него испугался, а он вынырнул и говорит: «Там холодно, но не страшно».

Ян ничего не сказал. Он по-прежнему смотрел в окно, но уголки его губ чуть дрогнули — то ли от воспоминания, то ли от гордости. Я вдруг вспомнил свое детство. Первая рыбалка

с отцом. Мы сидели на мостике, я болтал ногами в воде и спрашивал, больно ли рыбам, когда их ловят. «Наверное, больно». Я сказал: «Тогда давай просто так посидим, без рыбы». И мы сидели. Просто сидели. Без рыбы. Без разговоров. Счастливые моменты моей жизни.

— А что вы любите делать вместе? — спросил я, прогоняя воспоминание.

— Мы любим строить, — сказал Ян. Он оживился, повернулся ко мне. — Из стульев и одеял. Мы строим крепость в гостиной. Папа говорит, что это единственная крепость, которую он не может взять штурмом.

— Потому что мама нас охраняет, — добавил Эдик. — Она садится у входа и говорит: «Пароль». А папа не знает пароль. Он всегда говорит: «Открой, я куплю мороженое». А мама говорит: «Пароль — это не мороженое». И мы смеёмся, а папа стоит и делает вид, что сердится.

Я слушал их и чувствовал, как что-то внутри сжимается. Не фантомная боль. Живая. Такая, какой не должно быть после смерти. Я тряхнул головой. Воспоминания — опасная штука для таксиста. Они привязывают к жизни, а привязываться мне теперь было нельзя. Так говорил директор. Кажется, говорил. Или я сам это придумал.

— А у вас есть дети? — спросил Эдик.

— Да. Но они уже взрослые.

— Они строят крепости?

— Нет. Они строят свою жизнь. Это сложнее. Хотя и очень похоже.

Он задумался на секунду, потом сказал:

— Мы тоже хотим строить. Когда вырастем. Мы будем архитекторами. Или изобретателями. Или космонавтами. Ян ещё не решил.

— Я решил, — тихо сказал Ян. — Я буду врачом. Как мама.

В салоне повисла тишина. Не та, что была раньше, — лёгкая, почти уютная. Нет, теперь она была плотной, как вата. Я посмотрел на навигатор. На чёрном экране загорелась надпись: «Маршрут построен. Конечная точка: пункт приёма».

Пункт приёма. Просто пункт. Как сортировочный центр на почте. Только посылки не возвращают. Я сжал руль. Костяшки побелели. В голове зазвучала фраза из инструктажа, которого не было: «Ты не спасатель. Ты — таксист. Твоё дело — довезти, а не решать». Но кто это сказал? Директор? Да. И ещё он сказал: «Сложности тебя никогда не пугали». И я согласился. Идиот.

— Почему мы едем так медленно? — спросил Эдик.

Я очнулся. Машина действительно ползла — я бессознательно сбросил скорость почти до нуля. Потому что каждая секунда в пути приближала меня к моменту, когда я должен буду высадить их у ворот, за которыми — покой. Вечный. Необратимый. И никаких крепостей из одеял.

— Пробки, — соврал я. — Тут всегда пробки.

Ян посмотрел на меня в зеркало. В его взгляде не было укора — только тихое, внимательное изучение. Так дети смотрят на взрослых, когда чувствуют, что взрослый врёт, но не хотят его обидеть. Они одновременно смотрели в окна машины, потом друг на друга — я понимал, что они не видят других машин, но лучшей отговорки у меня просто не было.

— А у вас есть брат? — спросил он.

— Нет. Я один.

— Это грустно. У нас всегда есть с кем играть. Даже если мы ссоримся — это ненадолго. Самая долгая ссора была из-за машинки. Эдик сказал, что это его машинка, а я сказал, что моя. Мы не разговаривали целый час. А потом мама сказала: «Это общая машинка». И мы сразу помирились, потому что оказалось, что мы оба правы. Он замолчал. А потом добавил — тихо, почти шёпотом:

— Я хочу к маме.

Вот он. Момент. Та секунда, когда блок спадает и душа начинает понимать. Я видел это в зеркале: лицо Яна изменилось. Не сильно — всего лишь дрогнули губы, всего лишь расширились зрачки. Но я знал это выражение.

— Мы скоро приедем? — спросил Эдик. Он пока не чувствовал. Он был старшим — на четыре минуты, как выяснилось позже, — и его блок держался дольше.

— Почти.

— А почему вы повернули обратно?

Потому что я развернул машину. Я сделал это резко, не думая, как тогда, с банкиром. Только теперь навигатор не кричал — он молчал. Экран погас. Машина ехала обратно — туда, где стояли на обочине два мальчика в одинаковых синих курточках.

— Я отвезу вас туда, где вы сели, — сказал я.

— Но там нет родителей, — сказал Ян. Его голос дрогнул впервые.

— Знаю. Но вам туда надо.

Я остановил машину на том же месте. Та же обочина. Тот же мокрый асфальт. Те же два жёлтых огня вдаль — теперь я знал, что это не фары. Это глаза. Чьи-то глаза, которые ждут.

— Почему? — спросил Эдик. — Почему нам туда надо?

Я заглушил двигатель и повернулся к ним. Они сидели на заднем сиденье — два маленьких силуэта в одинаковых курточках, — и смотрели на меня с тем доверием, с каким дети смотрят на взрослых, не зная, что взрослые тоже ничего не понимают.

— Потому что вам ещё рано уезжать, — сказал я. — Понимаете? Рано. Там, куда я должен вас отвезти, нет бабушки. Нет речки. Нет крепости из одеял. Там вообще ничего нет. Только покой. А покой — это не для вас. Покой — это для тех, кто уже всё сделал. А вы ещё не ныряли с мостика.

Глаза Эдика наполнились слезами — впервые за всю поездку.

— Но мы не можем найти родителей...

— Они найдут вас. Не сейчас. Но когда-нибудь — найдут. А пока вам нужно просто подождать. Здесь. На этом месте. И когда вы их увидите — а вы увидите, — вы сразу поймёте, что это они. И тогда можно будет ехать. А сейчас — нет. Сейчас я вас не повезу.

Ян молча смотрел на меня. В его глазах не было слёз. Было что-то другое — понимание, слишком взрослое для десяти лет.

— Вы тоже не можете найти своих родителей? — спросил он.

Вопрос ударил под дых. Я открыл рот, но ответа не было. Мои родители были где-то далеко — впереди или позади, я не знал. Я вообще ничего не знал. Сейчас я был просто таксист. Первый день на работе. Без инструктажа. С фантомными болями и папкой досье, в которой значилось «Срочно».

— Не могу, — сказал я. — Пока не могу. Но я ищу.

Я тряхнул головой. Воспоминания накатывали волнами — слишком много для одной поездки. Я посмотрел на близнецов. Они стояли у машины, держась за руки, и ждали.

— Пойдём, Эдик, — сказал Ян. — Нам сюда.

Эдик колебался. Он смотрел то на меня, то на брата, то на два жёлтых огня вдаль. Потом вытер слёзы рукавом — одним движением, по-мальчишечьи, — и кивнул.

— Спасибо, — сказал он. — За то, что не довезли.

Я не нашёлся, что ответить. Они пошли — две маленькие фигурки в одинаковых курточках, взявшись за руки, — туда, где моргали два жёлтых огня. Я смотрел им вслед, пока они не растворились в предрассветной мути. Не в темноте. Именно в свете. Странном, неярком, но свете. А потом огни моргнули в последний раз и погасли.

Я сидел в машине и курил. То есть пытался курить — забыл, что мёртвые не курят. Сигарета тлела, но дыма не было, только запах озона и детских курточек, который ещё держался в салоне — едва уловимый, как воспоминание о стиральном порошке из далёкого детства. Нави-

гатор ожил. На экране загорелась надпись: «Маршрут не завершён. Пассажиры не доставлены. Ожидайте вызова к директору».

— Да пошёл ты, — сказал я навигатору.

Экран моргнул и погас. А я сидел и смотрел на дорогу. На трассу, по которой ехала машина. Семья из четырёх человек. Папа за рулём. Мама рядом. Двое мальчиков сзади — Эдик и Ян. Одинаковые стрижки. Одинаковые рубашки. Одинаковые мечты. И два ярких огня впереди.

Я завёл двигатель. Пора было возвращаться. Директор ждал. И у него наверняка были вопросы. Но впервые с момента смерти мне было плевать. Потому что там, на обочине, остались двое детей, которым я не дал уехать в покой. И пусть это будет моим первым выговором. Или последним. Или единственным поступком, который что-то значит.

Я вспомнил, как однажды дочь спросила меня: «Папа, а что будет, когда ты умрёшь?» Я ответил что-то глупое — про то, что я буду смотреть на неё с облаков. Она нахмурилась и сказала: «С облаков неудобно смотреть, они же двигаются. Ты лучше будь ветром. Ветер всегда рядом». Я засмеялся тогда. А теперь сидел в машине на пустой трассе, с погасшим навигатором и пустой папкой, и чувствовал этот самый ветер. Он дул в открытое окно. Пах озоном, мокрым асфальтом и немножко — детскими курточками. И я подумал: может быть, именно так и становятся ветром. Не по приказу. Не по инструкции. А потому что кто-то должен.

Машина тронулась. Счётчик километража сделал очередной круг. В бардачке лежала пустая папка без пометок «доставлен». А в голове звучали слова Яна — тихие, экономные: «Вы тоже не можете найти своих родителей?». Я нажал на газ. Впереди был офис директора. И разговор, который мне предстояло выдержать.

Я посмотрел в зеркало заднего вида. Дорога была пуста. Только два огня вдали — теперь уже позади — мигнули и погасли. И я мог поклясться, что услышал, как где-то далеко, на самой границе слышимости, два детских голоса сказали хором: «Спасибо, что не довезли».

Я улыбнулся. Впервые за всё время после смерти. Не иронично. Не через силу. По-настоящему. А потом нажал на газ и поехал к директору. Разговор обещал быть долгим. Но теперь мне было, что ему сказать.

Глава 5. Договор

Moby — «Porcelain»

Я ехал к директору долго. Навигатор молчал, дорога пустовала, и только счётчик километража нехотя наматывал круги, как будто тоже не хотел возвращаться. В салоне ещё ощущалось детское присутствие, или мне это мерещилось. В зеркале заднего вида было пусто. Только два жёлтых огня позади мигнули и погасли, как напоминание.

Офис вырос из предрассветной мглы внезапно — серое здание без вывески, с одним горящим окном на третьем этаже. Я припарковался у входа. Машина заглохла сама, будто выдохнула. Я посидел ещё минуту, глядя на свои руки. Они лежали на руле — спокойные, чужие. Так, наверное, выглядит человек, который сделал три ошибки подряд и не жалеет ни об одной.

В кабинете директора ничего не изменилось. Тот же дубовый стол. Тот же запах казённой мебели. Тот же он — массивный, в мятом пиджаке, с волосатыми пальцами, сложенными на столешнице. Только теперь он не улыбался. И это было хуже всего.

— Садись, — сказал он, не поднимая глаз.

Я сел. Стул подо мной скрипнул — жалобно, как перед допросом.

— Ну, рассказывай.

— Что рассказывать?, — я старался быть невозмутимым, но имел очевидно виноватый вид, как и подобает хорошему подчинённому.

— Всё. Ты же у нас кандидат наук. Экономических. Должен уметь формулировать.

Он впервые поднял глаза. В них было то, чего я не видел раньше. Не гнев — усталость пополам с любопытством. Так смотрят на стажёра, который наломал дров, но не струсил.

— Я отвёз банкира, — начал я. — Не туда, куда велело досье. Развернул машину.

— Знаю. Дальше.

— Потом был Градов. Я не довёз его до Руднёвки. Повёз в другое место.

— Знаю. Дальше.

— Близнецов я вообще не повёз. Оставил на обочине.

— Я в курсе.

Он откинулся в кресле. Кресло закрипело, на этот раз зло, как старая дверь.

— Первое дело, — начал он, загибая палец. — Банкир. Ты должен был довезти его до пункта приёма. Вместо этого устроил сеанс психоанализа, сломал маршрут и высадил человека в чистом поле. Красиво? Красиво. По инструкции? Нет.

Второй палец.

— Градов. В досье было написано «направо». Ты его столько раз развернул, что он до сих пор, наверное, не понимает, где находится. А он, между прочим, был рекомендован к зачислению. Рекомендация, чтобы ты понимал, анализировали его поведение за несколько лет, готовилась минимум три года. Ты её сжёг за сорок минут.

Третий палец.

— Близнецы. По бумагам — доставить в пункт приёма в приоритетном порядке. Дети. Чистые души. Им было положено покой и забвение. Ты оставил их на обочине наедине с двумя жёлтыми огнями. Ты вообще понимаешь, что они теперь будут там стоять не день и не два? Что им теперь не найти покоя, потому что ты им сказал «ждите родителей»? Родители их давно уже прошли круг и ушли. А дети остались. Из-за тебя.

Он замолчал. Я смотрел в стол. Возразить было нечего. Всё, что он говорил, было правдой.

— Ты нарушил инструкцию, многократно, — подытожил он. — По-хорошему, тебя надо развоплотить.

— Что значит — развоплотить?

— Это значит — стереть. Полностью. Без перерождений. Без собак, без венгерских крестьян, без биологических роботов. Просто — в ничто. В то самое великое ничто, которое ты так поэтично описывал в своих первых мыслях после смерти.

В кабинете стало тихо. Я слышал, как где-то за стеной гудит вентиляция — ровно, бесконечно, как дыхание большого здания.

— Но я не буду этого делать, — сказал директор. И впервые за весь разговор улыбнулся. Я поднял голову.

— Почему?, — я был удивлен. Да, я бы даже сказал, что ошарашен

— Потому что ты прошёл проверку.

— Какую проверку?

Он встал из-за стола, подошёл к окну и, сложив руки за спиной, уставился в него будто там расстилается бескрайние просторы в предрассветном тумане. Фактически я видел, что там была просто серая стена. Даже не так, там не было ничего.

— Ты думаешь, мы тут идиоты? Думаешь, мы не знали, что таксист с неотработанными фантомными болями и незакрытой прижизненной недосказанностью начнёт импровизировать? Знали. Поэтому и послали тебя на эти три дела. Это был тест.

— Тест на что?

— На человечность.

Он повернулся ко мне. Лицо его больше не было ни злым, ни усталым. Оно было спокойным, как у врача, который сообщает диагноз.

— Ты не следовал инструкциям. Ты спорил с маршрутом. Ты оставил детей на обочине, потому что посчитал, что им рано. Ты сломал систему. Но, и это главное, ты ни разу не поступил как сволочь. Банкир получил шанс на прощание. Градов получил свою нору. Близнецы получили надежду. Ты не был послушным, на это и был расчет. Понимаешь?

Я молчал.

— Поэтому я предлагаю тебе остаться. Не стажёром. Полноценным сотрудником. Своя смена, свой маршрут, своя «Импала». Зарплата? — не спрашивай, здесь нет денег. Выходные по согласованию. Работа нервная, но, как ты уже понял, бывают и хорошие смены.

Он сделал паузу.

— Подумай. Не каждому дают такое предложение.

Я молчал. И в этой тишине, пока директор ждал моего ответа, я успел прокрутить в голове всё, что он предлагал. Своя смена. Своя машина. Своя фуражка с чёрным козырьком. Никаких тебе проблем, никаких пробок, никаких утренних подъёмов под ненавистный будильник. Работа, в которой, как выяснилось, я уже почти разобрался. И, главное, никакой ответственности. Везёшь душу из точки А в точку Б. Не нравится — не смотришь в зеркало. Устал — остановился на обочине, покурил (мысленно), поехал дальше. Соблазн был. Ещё какой.

Но именно это меня и остановило. Потому что остаться здесь означало признать: всё, что было там, закончилось. Глупость, конечно. Но из таких глупостей и состоит жизнь, которую я не готов был списать.

Я не мог остаться ещё и потому, что здесь я был бы просто таксистом. А там я был отцом. Не идеальным. Не самым внимательным. Но отцом. И пока есть хотя бы призрачный шанс вернуться, я должен его использовать. Не потому что я герой. Не потому что я сильный. А потому что я не досмотрел своё кино. И хочу узнать, чем оно закончится.

Я поднял глаза на директора.

— Не буду думать, — сказал я. — Я не останусь.

Он не удивился. Просто кивнул, как будто ждал именно этого.

— У меня одно желание, — продолжал я. — Я хочу вернуться.

— Обратно.

— Да.

Он вернулся за стол, сел, откинулся. Посмотрел на меня долго, изучающе.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому что ты умер. По-настоящему. Не в коме. Не в реанимации. Тебя закопали. Или кремировали — не помню, там уточнять надо. Твоё тело больше не пригодно. А новое тебе никто не даст. Ты не Божий сын, мы это уже проходили.

Он помолчал.

— Но... есть один вариант.

Я ждал.

— Вернуться можно. Только не в своё тело. И не насовсем. Командировка. Одно задание. Выполнишь — получишь второй шанс. Не выполнишь — вернёшься сюда, и уже без претензий.

— Что за задание?

Он выдвинул ящик стола, достал тонкую папку и подвинул её ко мне. Я открыл. Внутри — фотография. Молодая женщина, лет тридцати пяти. Светлые волосы, усталые глаза, лёгкая улыбка — не для камеры, а для кого-то рядом.

— Её зовут Лена. Лена Морозова. Земля, Москва, наши дни. То есть твои. Живёт одна, работает медсестрой в хосписе. Не замужем. Детей нет. Родителей умерли. Три месяца назад потеряла мужа. Он умер у неё на руках — онкология, долго и больно. Она ухаживала за ним сама. После его смерти она продолжает работать, но...

Он сделал паузу.

— Она собирается умереть.

— Как?

— Решила все закончить. Она не оставила записки, но мы знаем. Таблетки. Накопила. Скорее всего, выберет ночь. Одну из ближайших. Твоя задача — не дать ей этого сделать.

Я молчал.

— Ты должен будешь появиться рядом с ней. Не в своём теле — в теле человека, который только что умер. Свежий труп, если говорить прямо. Мужчина. Примерно твой возраст. Сердечный приступ. У него ещё есть несколько часов, прежде чем тело окончательно остынет. Ты войдёшь в него и проведёшь в нём ровно столько, сколько потребуется, чтобы спасти Лену.

— Как я её спасу?

— Это уже твоя забота. Можешь просто поговорить. Можешь помешать. Можешь вызвать кого-то. Но учти: она не знает тебя. Ты для неё — чужой человек. И всё, что ты скажешь или сделаешь, должно прозвучать так, чтобы она передумала. Чтобы она выбрала жить.

— И всё?

— Нет. Главное условие: ты не должен ей лгать.

Я поднял на него глаза.

— Что это значит?

— Это значит, что если ты ей скажешь «всё будет хорошо» — это должно быть правдой. Если пообещаешь, что её жизнь наладится, — ты должен будешь это обеспечить. Ты не сможешь притворяться. Не сможешь изображать из себя кого-то, кем не являешься. Ты будешь в чужом теле, но с твоей душой. И если ты ей соврёшь — задание провалено. Она это почувствует. И тогда — всё.

— Почему именно она? — спросил я.

— Потому что она тоже была на твоём маршруте. В тот день, когда ты умер, она как раз выходила из хосписа после ночной смены. Если бы ты не умер в этот момент, ты бы, возможно, проехал мимо неё. Или даже подвёз бы. Но ты умер. И теперь её судьба — в твоей компенсации.

Я закрыл папку.

— И что будет, если я справлюсь?

— Тогда решим. Возможно, вернёшься. Возможно, получишь ещё одно задание. Возможно, окажется, что жизнь — это тоже командировка, только длинная. Не спрашивай сейчас. Сначала — она.

Я кивнул.

— Согласен.

Директор улыбнулся — на этот раз по-настоящему, тепло.

— Я знал, что ты согласишься. Ты, из тех, кто до последнего верит, что смерть — это недоразумение. Не конец, не начало конца, а может быть конец начала.

Он встал и протянул мне руку. Я пожал её. Рука у него была горячая. Очень горячая — как у человека с температурой. Или как у того, кто недавно держал в руках что-то живое.

— И можно вопрос? — сказал я уже у двери.

— Валяй.

— Откуда вы взяли? Ну, вы. Вы. Только по-настоящему.

Он улыбнулся. Но глаза стали серьёзными.

— Это долгая история. И скучная. Такие, как я, не рождаются и не умирают. Они назначаются. Или просыпаются. Смотря с какой стороны посмотреть.

— Вы не ответили.

— Я ответил. Просто ты ещё не готов услышать ответ.

Он подошёл ближе, положил мне руку на плечо. Жар от его ладони растёкся по телу, как кипяток.

— Когда вернёшься, — сказал он, — спроси ещё раз. Может быть, тогда я скажу. А может быть, ты уже сам поймёшь.

Он слегка подтолкнул меня к двери. И я пошёл. Сначала по коридору. Потом по лестнице. Потом через вестибюль. И с каждым шагом свет вокруг меня становился ярче, а звуки громче. Я слышал, как где-то гудит город. Как шумят машины. Как хлопает дверь подъезда. Как капает вода из крана. Как кто-то дышит — ровно, глубоко, во сне. Потом я будто слышал звук от трения воздуха, будто несёшься с огромной скоростью, но при этом стоишь на месте. Мне начало щипать глаза и я зажмурился.

А потом я открыл глаза.

Я лежал на асфальте. Ночной город обступил меня со всех сторон. Мимо проехала машина, обдав лицо брызгами. Я пошевелил пальцами. Они были холодные. Не мои. Я сел, опираясь на руки, и посмотрел на себя. Чужое тело. Чужая куртка. Чужой телефон в кармане.

Я поднял голову. Над подъездом горел фонарь. На третьем этаже светилось окно. За стеклом двигалась тень — женская, тонкая. Она то появлялась, то исчезала, как будто ходила по комнате из угла в угол. Ходила кругами.

Лена.

Я встал. Ноги держали. Холодный воздух обжёг лёгкие. Впервые за долгое время я чувствовал по-настоящему. Запахи, звуки, тяжесть тела, биение чужого сердца. Оно стучало глухо, с перебоями. Это было сердце человека, который только что умер.

Я взглянул на окно ещё раз. Тень остановилась. Потом свет погас.

Я сделал шаг к подъезду. Потом ещё один. И ещё.

Маршрут начался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.